

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ РЯД ГРАММАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIV И XIX ВЕКОВ

Статья посвящена актуальному аспекту когнитивной лингвистики – анализу развития концепта «честь» в английской поэзии XIV и XIX веков. Особое внимание уделяется грамматическому компоненту концепта, выраженному эволюционными рядами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, диахрония, эволюционный ряд, грамматический компонент.

Концепт как базовая сущность когнитивной лингвистики является предметом настоящего диахронического исследования. В данной статье при всем многообразии толкований термина «концепт» принимается культурологический подход, который позволяет вплести смысловую сущность языкового знака в контекст культур, национальных особенностей различных культурных сред, а также соотнести языковые средства и ценности.

Человек является носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Особое место принадлежит ценностям — наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Очень часто эти ориентиры представляют собой совокупность знаний, информации и жизненного опыта человека, представляя собой лично окрашенное отношение к миру [1]. Ценности лежат в основе оценки тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. Концепт с позиций актуализации ценностей, определяется Ю.С. Степановым в виде «сгустка культуры в сознании человека; того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [2:40].

В ряде исследований концепт трактуется как многоуровневое ментальное образование [2], [3]. При этом в концепте выделяется несколько качественно разных составляющих. Так понятийная составляющая – это все то, что делает концепт фактом культуры – этимология, современные ассоциации, оценки. Образная составляющая, фиксирует когнитивные метафоры, связывающие его с языковым сознанием. Грамматическая и струк-

турная составляющие обеспечивают абстрактные понятия конкретной языковой формой.

Концепт как объект сопоставительного анализа, подразумевает некое сравнение: внутриязыковое, когда сопоставляются облик и функционирование концепта в различных «областях бытования» – дискурсах (научном, политическом, религиозном, поэтическом) и сферах сознания, а также межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков [4].

Сопоставительное исследование концептов направлено преимущественно на выявление их отличительных черт: установление этнокультурной специфики, которая может быть выражена признаком, положенным в основу наименования – внутренней формой имени [6], но также и в мировоззренческих стереотипах, отраженных в семантике концепта. Этноспецифичность концепта дает основания рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера.

Говоря о концепте и о его исследованиях, необходимо упомянуть эволюционные ряды концептов. Концепт складывается из слоев различного времени происхождения, и его эволюцию можно представить в виде последовательности, звеньями которой является данный концепт в разные эпохи. Если расположить эти звенья последовательно, становятся очевидны особые отношения преемственности формы и содержания, благодаря которым нечто из старой стадии концепта становится знаком в его новой стадии. Такие отношения должны быть по этой причине связаны с принципом организации знаковых систем. Поскольку их изучение чаще всего называется семиотикой, согласно мнению Ю. С. Степанова [2], расположение концептов в виде рядов можно обозначить эволюционными семиотическими рядами.

Принимая культурологический подход и признавая ценность языкового знака как средства выражения смысла, особое внимание в статье посвящается грамматическому компоненту концепта «честь». При этом динамика развития грамматического компонента выражается посредством эволюционных рядов. В настоящем исследовании под эволюционным рядом имеется в виду последовательная преемственность грамматических форм глагола, находящихся в промежуточном состоянии развития в рамках грамматических категорий.

Языковым материалом для анализа послужили английские поэтические тексты XIV и XIX веков. В истории английского языка XIV век признается поворотным в развитии и укреплении национального статуса на основе Лондонского диалекта. Блестящими образцами английской поэзии того времени являются произведения Адама Дэви, Джеффри Чосера, Джона Гауэра и Джона Уиклифа. XIX век характеризуется окончательным установлением норм национально-литературного языка, а поэзия этого периода озаменована романтикой революционного аристократизма Джорджа Гордона, Байрона, Перси Биши Шелли. Принимая во внимание вышесказанное, целесообразно считать XIV и XIX века актуальными в контексте сопоставительного анализа эволюционных рядов грамматического компонента концепта «честь».

Говоря о грамматическом и структурном аспекте анализа «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера, необходимо дать краткую характеристику грамматике английского языка того периода в целом и авторской грамматике в частности. Будучи уроженцем Лондона, автор говорил и писал на лондонском или восточно-центральной диалекте. Своей грамматикой язык Чосера был тесно связан с грамматикой Ормулума (The Ormulum) – библейских толкований XII века. В орфографии наблюдается сильное французское влияние. Сама орфография не имеет узаконенных форм, допускается бесчисленное множество вариантов написания одного и того же слова. В языке «Кентерберийских рассказов» наблюдаются две перемены, характерные для английского языка того времени: 1) редукция флексий в ряде грамматических форм и 2) обширное введение французской лексики.

Язык произведений Чосера наглядно иллюстрирует особенности среднеанглийского, отлич-

чие от древнеанглийского и современного английского языка. На материале отобранных микро-текстов, отражающих представления о чести в XIV веке, можно проследить грамматические явления, берущие свое начало на прошлых этапах развития английского, а также продолжающиеся и видоизменяющиеся в современном языке.

Примером франкизации английского языка стало и слово *honour*, которое, помимо этого, являлось и одним из случаев исторической конверсии. Из французского языка было сделано в английский много параллельных заимствований от одной и той же основы, которые в системе английского языка, будучи оформлены парадигмами различных частей речи, стали основой как существительных, так и глаголов: *honour* – честь (ca. *honour*: из стфр. *honur*, *honour*) – *honour* – почитать (ca. *honouren*: из стфр. *honorer*) и др.

Система видо-временных форм глагола в среднеанглийском значительно расширилась. В дополнение к двум основным формам – прошедшему и настоящему развиваются тонкие стратификационные временные формы длительного и перфектного вида. В XIV веке уже существует форма *present progressive*. Однако при описании событий, происходящих в настоящий момент, более типично употребление форм настоящего времени общего вида.

Например:

GP 579 *Worthy to been stywardes of rente and lond*
 GP 580 *Of any lord that is in Engelond,*
 GP 581 *To make hym lyve by his propre good*
 GP 582 *In honour dettelees (but if he were wood),*

KnT 905 *«What folk been ye, that at myn hom-comynge*

KnT 906 *Perturben so my feste with crynge?»*

KnT 907 *Quod Theseus. «Have ye so greet envye*

KnT 908 *Of myn honour, that thus compleyne and crye?*

KnT 909 *Or who hath yow mysboden or offended?*

В структуру перфектных форм глаголов в XIV веке входят вспомогательный глагол *to have* (n) и знаменательный глагол в форме причастия прошедшего времени. И к правильным и к неправильным глаголам иногда добавляется префикс – *у-*, берущий свое происхождение от англосаксонского префикса *ze-*

В XIV веке появляется и широко используется историческое настоящее. Время, которое употребляется при описании батальных сцен,

также в рассказах и повествованиях. Данная форма настоящего времени позволяет погрузить слушателя или читателя в самое сердце происходящего. Окончания глаголов в настоящем времени более многочисленны, чем в современном варианте английского языка.

Причастие настоящего времени имело окончание –unge которое впоследствии преобразовалось в –ing. Многие из приведенных ниже примеров причастий переводились на современный английский с помощью отглагольных существительных девербативов:

KnT 905 «What folk been ye, that at myn homcomunge

KnT 906 Perturben so my feste with criynge?»

Have you so great ill-will toward my honors that you so complain and cry?

Формы прошедшего времени в среднеанглийском употребляется практически во всех контекстах прошедшего времени. Они могли использоваться как для описания обыденных действий или фактов в прошлом, так и для выражения длительности или завершенности. При образовании формы глагола в простом прошедшем времени добавлялось окончание –ed, которое помещалось между основой и окончанием глагола. В произведении «Кентерберийские рассказы» встречается множество случаев, когда окончание –ed использовалось в качестве окончания. Многие неправильные глаголы образовывали формы простого прошедшего времени с помощью изменения корневой гласной. Как это происходит в современном английском. Например:

KnT 1026 He took his hoost, and hoom he rit anon

KnT 1027 With laurer crowned as a conquerour;

KnT 1028 And ther he lyveth in joye and in honour

KnT 1029 Terme of his lyf; what nedeth wordes mo?

Ключевые вспомогательные глаголы, такие как *haven* (or *hauen*) и *ben* (or *bien*), спрягались по образцу основных глаголов. Второе лицо единственного числа имело окончание –st (*hast*, *have*), третьего лица ед. числа –th.

Множественное число имело два вида форм спряжения – *han* и *haven*. Форма прошедшего времени близка современной, отличия есть в склонении глагола *to have*, имевшего основу *hadde*, к которой прибавлялись уже известные нам окончания.

Например:

KnT 1046 This maked Emelye have remembraunce

KnT 1047 To doon honour to May, and for to ryse.

KnT 1048 Yclothed was she fressh, for to devyse:

KnT 905 «What folk been ye, that at myn homcomynge

KnT 906 Perturben so my feste with criynge?»

KnT 907 Quod Theseus. «Have ye so greet envye

KnT 908 Of myn honour, that thus compleyne and crye?

KnT 909 Or who hath yow mysboden or offended?

Особенность форм будущего времени в микроконтекстах XIV века заключается в том, что *shall* (встречающийся в таких формах как *schullen*, *shallen*) и *will* (имеющий такие формы, как *willen*, *wellen*) обладали разным значением. *Will* указывало на желание или намерение, *shall* же указывало на чужую волю или на отсутствие желания делать что-либо. Также в образовании будущего времени участвовал глагол *to be* с инфинитивом. Глагол *to go* в форме Present Continuous, употребляемый сегодня, в то время в образовании будущего не участвовал. Например:

KnT 2407 Thy sovereyn temple wol I moost honouren

KnT 2408 Of any place, and alwey moost labouren

KnT 2409 In thy plesaunce and in thy craftes stronge

В произведении «Кентерберийские рассказы» примеры использования форм будущего времени – немногочисленны, что характерно для манеры повествования автора. Каждый герой поэмы ведет речь о событиях, имевших место в прошлом, о притчах, когда-то услышанных и множество раз пересказанных.

Нельзя не отметить, что в поэме встречается большое разнообразие модальных глаголов в разных значениях. *Will* и *shall* значительно расширили свой когнитивный ряд, картина употребления модальных глаголов приобретает современные черты, но в отличие от известных форм, модальные глаголы среднеанглийского обладали формой инфинитива.

Так, например поучительный характер произведения отражается в частом использовании модальных глаголов в значении «давать совет, поучать». К примеру, глагол *ought*, имеющий значение – быть обязанным, быть должным. Современное значение совета и пожелания, равно как морального долга находят свое отражение в Кентерберийских рассказах, своеобразном «зеркале» развивающегося и крепнущего языка.

Честь, как морально-этическая величина, напрямую связана с модальным глаголом дол-

женствования. И советы, прямо и иносказательно выражаемые с помощью глагола *ought*, были ничем иным, как обращением к читателю, авторским посылом, а значит – наиважнейшим в поэме. Иногда совет, выраженный с помощью модального глагола, носил ироничный характер:

KnT 3051 And gladder oghte his freend been of his deeth,

KnT 3052 Whan with honour up yolden is his breeth,

KnT 3053 Than whan his name apalled is for age,

KnT 3054 For al forgotten is his vassellage.

Приведенный ниже пример интересен с точки зрения употребления еще одного модального глагола-*can* (*kan*), усиливающего значение знаменательного глагола, следующего за ним. Например:

ShipT 167 A wyf ne shal nat seyn of hir housbonde

ShipT 168 But al honour, as I kan understonde;

Говоря о грамматике глагола среднеанглийского периода, отразившейся в произведениях Джеффри Чосера, необходимо затронуть вопрос об употреблении форм наклонений.

Изъявительное наклонение преобладает в повествовании. Преобладающий тон произведения «Кентерберийские рассказы» – юмористический, автор лишь предлагает различные ситуации поведения читателю. Отношение автора к своим героям эксплицитно, однако находит отражение лишь на уровне выбора языковых средств, оставляя грамматический уровень без заметных изменений.

В произведениях XIV века сослагательное наклонение указывает на определенное отношение говорящего к событию или действию. В среднеанглийском языке данное наклонение использовалось шире, чем в современном варианте языка, хотя основная идея остается прежней, как то: имажинативное наклонение, в сфере которого находятся события, не имеющие реального воплощения, но являющиеся возможностями, желаемым, сопряженным или практически невозможным. Сослагательное наклонение в настоящем времени в основном, выражает пожелание или команду, равно как и обращение к богам. Например:

PhyT 247 She riseth up, and to hir fader sayde,

PhyT 248 «Blissed be God that I shal dye a mayde!

PhyT 249 Yif me my deeth, er that I have a shame;

PhyT 250 Dooth with youre child youre wyl, a Goddes name!»

MLT 158 To rekene as wel hir goodnesse as beautee,
MLT 159 Nas nevere swich another as is shee.

MLT 160 I prey to God in honour hire susteene,

MLT 161 And wolde she were of al Europe the queene.

Сослагательное наклонение с глаголом в прошедшем времени, стоящем в главном предложении, использовалось для выражения какого-либо явления или действия, вероятность на воплощение в реальности которого минимальна. Использованное в придаточном предложении, сослагательное наклонение указывает на условие или предположение. Такие придаточные предложения часто предваряет частица *if* или (в редких случаях) частица *so*. Например:

GP 581 To make hym lyve by his propre good

GP 582 In honour dettelees (but if he were wood),

В среднеанглийском модальные глаголы *will, would, shall, should, may, might* довольно часто использовались как эквиваленты сослагательному наклонению. В приведенных ниже микротекстах, содержащих примеры использования наклонения, видно, что вспомогательный глагол *to be* в прошедшем времени служит заменой модальному глаголу *would*:

KnT 994 But it were al to longe for to devyse

KnT 995 The grete clamour and the waymentynge

KnT 996 That the ladyes made at the brennynge

KnT 997 Of the bodies, and the grete honour

KnT 998 That Theseus, the noble conquerour,

KnT 999 Dooth to the ladyes, whan they from hym wente;

В микротекстах произведения «Кентерберийские рассказы» широко употребляются формы повелительного наклонения в единственном и множественном числе настоящего времени. Примеры использования повелительного наклонения в анализируемых микротекстах немногочисленны, все они относятся ко второму лицу единственного числа. Некоторые из них, как например, нижеследующий образец, являются выражением приказа, ультимативного требования. Например:

WBT 1232 Cheseth youreself which may be moost plesance

WBT 1233 And moost honour to yow and me also.

В произведении Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» можно обнаружить большое количество примеров использования инфинитивных конструкций, образованных с помощью предлога *for* и частицы *to*. Изначально в

среднеанглийском подобные конструкции выражали цель выполняемого действия, но со временем все чаще стали использоваться вместо простых инфинитивных конструкций с частицей *to*, иногда в связи с необходимостью согласовывать содержание с ритмом и метром. Например:
KnT 994 But it were al to longe for to devyse
KnT 995 The grete clamour and the waymentynge
KnT 996 That the ladyes made at the brennynge
KnT 997 Of the bodies, and the grete honour
KnT 998 That Theseus, the noble conquerour,
KnT 999 Dooth to the ladyes, whan they from hym wente;

В микротекстах-репрезентативах концепта «Честь» преобладают сложные конструкции. Из анализируемых примеров, составляющих 63 микротекста, 54 высказывания относятся к третьему лицу, из них 11 высказываний – безличные предложения с местоимением *it*. Помимо этого, обнаружены 4 высказывания, содержащие безличные обороты третьего лица множественного числа. Десять высказываний соотносятся со вторым лицом, 8 – с первым лицом, включая те случаи, когда рассказчик выражал свое мнение или, повествуя, переходил на прямую речь. Пять высказываний соотносятся с первым лицом множественного числа, столько же высказываний содержат в качестве актанта третье лицо множественного числа.

Данное наблюдение служит не только подтверждением уровня развития языка, но также свидетельствует об изменениях в картине мира британцев XIV века, а значит и в концептосфере. Концепт чести переходит с поля боя в дома и сердца людей, становится все более социальным, более личным. Ядро концепта кроется отныне не только в голове человека, но в сердце (включая в себя как высокое понимание чести – благородства, верности, доблести, нравственности так и более земное понимание, находящееся в сфере интересов гендерной теории). Концепт становится все более абстрактным. Его границы – более размыты, ядро концепта – лексема «Честь» относится все больше к области духовного, возвышенного.

Необходимо заметить, что ядро концепта «Честь» превалирует над периферийными значениями. Абстрактные и конкретные понятия равны по численности, хотя и намечена тенденция на увеличение численности абстрактных понятий. Межобъектные связи абстрактны. Все объекты, входящие в понятийное поле, имеют отношение к

социуму, взаимодействиям внутри большой (общество) и малой группы (семья). Модель чести женщины занимает особое положение. Если между вышеупомянутыми моделями есть определенные связи, и, фактически, их компоненты относятся к обязательному набору качеств любого достойного человека, то данная модель принадлежит сфере отношений между мужчиной и женщиной, затрагивает вопрос положения женщины в обществе и отражает противоречивые взгляды на роль женщины в социуме. Модель состоит из следующих сигнификатов: целомудрие, почитание мужа, семья, верность, религиозность, добродетель, скромность. Например:

GP 43 A KNYGHT ther was, and that a worthy man,
GP 44 That fro the tyme that he first bigan
GP 45 To riden out, he loved chivalrie,
GP 46 Trouthe and honour, fredom and curteisie.
KnT 1026 He took his hoost, and hoom he rit anon
KnT 1027 With laurer crowned as a conquerour;
KnT 1028 And ther he lyveth in joye and in honour
KnT 1029 Terme of his lyf; what nedeth wordes mo?

Освещая эволюционный ряд грамматического компонента концепта «Честь» в XIX веке, целесообразно остановиться на проблеме нормализации английского языка и кодификации норм. Укрепление литературных норм в XIX веке актуализируется в установлении и кодификации единых норм произношения, орфографии и морфологии. Продолжается движение за «чистоту» английского языка, принявшего в XIX веке реакционный характер. Как и в XVIII веке, издается большое число грамматик, соперничающих между собой по степени приближенности к фактам современного на тот момент языка, степени свободы от рамок латинского языка. Сравнивая грамматический строй языка анализируемого временного слоя и современного английского языка, можно найти ряд отличий, в целом же грамматика глагола XIX века наиболее приближена к своему современному состоянию.

Благодаря процессу нормализации произношения и правописания, происходивших в XVI – XVIII веках, грамматические «разночтения» более всего относятся к сфере морфемики и грамматической семантики.

В начале XIX века английский язык представлял собой гомогенную устоявшуюся систему, не допускающую расхождений в своей структуре. Этим английская грамматика времен Байрона

отличается от Чосеровской грамматики, отмеченной сильным французским влиянием и произвольной орфографией. Следует отметить скрупулезное следование автором правилам пунктуации.

Обратимся к морфологии глагола и системе видо-временных форм глагола, образующих эволюционный ряд исследуемого концепта. Как и в современном английском языке, английские глаголы XIX века подразделялись на переходные (Transitive) и непереходные (Intransitive), правильные (Regular) и неправильные (Irregular).

В английском языке начала XIX века представлены видо-временные формы глагола, наличествующие в английском языке XXI века. Различия в морфологии кроются в пережитках средневекового английского, а именно – окончаниях глаголов в некоторых видо-временных формах. В девятнадцатом веке все еще сохраняется форма уважительного местоимения – thou, имеющая персональное окончание –th в формах настоящего времени и окончание – st в прошедшем. В будущем времени вспомогательный глагол принимает окончание –t, форма знаменательного глагола остается неизменной. Подобная тенденция видна и в перфектных формах настоящего и прошедшего времени. К вспомогательному глаголу в соответствующей форме прибавляется окончание – st. В перфектных формах будущего времени, вспомогательный глагол используется с окончанием – t.

Так же окончание -th использовалось в третьем лице единственного числа в качестве архаичной формы, свойственной поэтической речи, придавая оттенок торжественности и возвышенности. По сравнению с микроконтекстами XIV века в XXI веке перфектные формы употребляются значительно шире. Глаголы сочетаются с объектами в трех лицах единственного и множественного числа. Кроме того перфектные формы значительно чаще употребляются в пассивном залоге. Так, например эволюционный ряд перфектных форм в произведениях Дж.Г.Байрона представлен следующими примерами:

X. (4) And be the Spartan's epitaph on me -
'Sparta hath many a worthier son than he.' (Present Simple)

CLIV. But thou, of temples old, or altars new,
Standest alone – with nothing like to thee (Past Simple)

I. (29) That men forget the blood which she hath spilt,
And bow the knee to Pomp that loves to

garnish guilt. (Present Perfect)

XCI. What hadst thou done, to sink so peacefully to rest? (Past Perfect)

I. (33) Here leans the idle shepherd on his crook,
And vacant on the rippling waves doth look (Historical Present)

В поэзии и прозе данного временного отрезка также широко использовалось историческое настоящее время, позволяя приблизить читателя к происходившим когда-то событиям.

В речи активно используются вспомогательные глаголы и конструкции to have to, may (might), shall, will. Наряду с ними используется глагол to bid (приказывать, заставлять), придающий действию оттенок вынужденности.

It is not love, it is not hate,

Nor low Ambition's honours lost,
That bids me loathe my present state,

And fly from all I prized the most:

LXV. When Gratitude or Valour bids them bleed,
Unshaken rushing on where'er their chief may lead.

Развиты и широко представлены в примерах – репрезентативах концепта – все три наклонения глаголов: изъявительное, повелительное и условное. По сравнению с XIV веком, примеры использования повелительного наклонения более многочисленны. Например:

XXXI. In his own kind and kindred, *whom to teach*
Forgetfulness were mercy for their sake
(Subjunctive mood)

XCI. *Come, and compare*

Columns and idol-dwellings, Goth or Greek,
With Nature's realms of worship, earth and air (Imperative mood).

Среди примеров подавляющее превосходство сложных синтаксических конструкций над простыми. Структуры, выражающие концепт, сложнее вычленишь из границ микротекста, примеры, в сравнении с поэмой XIV века, стали более абстрактными. Границы концепта размыты, вся поэма «Паломничество Чайльд Гарольда» могла бы служить репрезентативом анализируемого концепта в рамках гипертекста. Ядерная лексема «Honor» уступает в численности периферийным лексемам.

В ходе анализа поэмы нами были выделены три основных модели – модель чести воина, модель чести правителя, общечеловеческая модель чести, и установлено, что концепт имеет два источника происхождения – врожденный и

приобретенный.

Высказывания большей частью относятся к третьему лицу единственного и множественного числа, большая доля примеров относится к второму лицу единственного числа. Высказывания, имеющие своим актантом первое лицо единственного числа, малочисленны.

Семантическое поле модели воинской чести в XIX веке включает в себя такие единицы, как поле брани, жертвенность, нелепая гибель, героизм, Отчизна, свобода, тщета. Отношение автора к войне и рыцарям войны неоднозначно, содержит в себе немалую долю скорби и жалости.

Модель чести женщины тоже претерпела некоторые изменения. Основные компоненты смыслового поля данной модели кочуют из века в век, но в XIX веке в целом и в поэме Байрона в частности, мы сталкиваемся с новым отношением к женщине, с зачатками эмансипации, ос-

вещенными поэтом, с индивидуализацией образа женщины в современном поэту мире.

Эволюцию концептов можно представить в виде последовательности, звеньями которой является данный концепт в разные эпохи.

Сопоставляя грамматические средства выражения концепта «Честь» в XIV и XIX веках, отметим следующее:

– эволюционный ряд грамматического компонента претерпел количественные и качественные изменения, отражающие общие тенденции в развитии глагольной морфологии в направлении от синтетических к аналитическим формам;

– глагольная парадигма усложняется к XIX веку, поскольку аналитические формы глагола подвергаются все большей парадигматизации, что, более всего, отражается в системе совершенных и длительных форм.

16.09.2013

Список литературы:

1. Гуревич, П.С. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / П.С. Гуревич – М.: 1995. – 120с.
2. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов – М.: 1997, – 41 с.
3. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии. / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: 2002. – 80с.
4. Воркачев, С.Г. Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М.: 2003. – С.5-12.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С.Г. Тер-Минасова – М.: 2000. – 624с.

Сведения об авторах:

Сахарова Наталия Сергеевна, заведующий кафедрой иностранных языков естественнонаучных и инженерно-технических специальностей Оренбургского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Дмитриева Елена Владимировна, доцент кафедры иностранных языков естественнонаучных и инженерно-технических специальностей Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 20613, тел. (3532) 372433, e-mail: nssakharova@mail.ru

UDC 81-112.2

Sakharova N.S., Dmitrieva Ye.V.

Orenburg state university, e-mail: nssakharova@mail.ru

EVOLUTIONARY ROW OF THE GRAMMATICAL COMPONENT OF THE CONCEPT «HONOUR» IN THE ENGLISH POETRY OF XIV AND XIX CENTURIES

The article is devoted to an acute aspect of cognitive linguistics – concept “Honour” in the English literature of XIV and XIX centuries. The material for the article was taken from the poems of these periods. The main issue being discussed in this article is grammatical component of the concept “Honour” in its evolutionary rows.

Key words: cognitive linguistics, concept, diachrony, evolutionary row, grammatical component.

Bibliography:

1. Gurevitch, P.S. Human-being: Thinkers of the past and present about life, death, immortality XIX / P.S. Gurevitch – M.: 1995– 120p.
2. Stepanov, Yu.S. Constants. Russian culture dictionary. Research experience / Yu.S. Stepanov. – M.: 1997 – 41 p.
3. Vorkatchev, S.G. Methodology of linguistic concepts. / S.G. Vorkatchev // Theoretical and applied linguistics. Vol.3: Aspects of metacommunication. – Voronezh: 2002.– 80 p.
4. Vorkatchev, Yu.S. Language, conscience, communication. / Yu.S. Vorkatchev. Vol.2. – M.: 2003 – p.5-12.
5. Ter-Minasova, S.G. Language and communication / S.G. Ter-Minasova. – M.: 2000.– 624p.
6. Bosworth, J. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Eds. T. Northcote Toller and Alistair Campbell. / J. Bosworth – Oxford: Oxford University Press: 1838-1972.
7. Clark-Hall, J. R. A Concise Anglo-Saxon Dictionary, Second Edition. / J.R. Clark-Hall – Cambridge University Press: 1960.
8. Chaucer, Geoffrey. The Canterbury Tales / Geoffrey Chaucer. The Electronic Literature Foundation. – 1999-2012 chaos Cafй.com.
9. Byron, George Gordon. Childe Harold’s Pilgrimage / Byron, Gordon George. -www.Gramoret.com EBOOK.